

Центризм — это новый тип мышления

*На вопросы журнала отвечает доктор философских наук, профессор,
член Правления Народной партии Свободная Россия
ГРИГОРИЙ ВОДОЛАЗОВ**

«ОНС» Григорий Григорьевич, ваши демократические убеждения были известны научной (и не только научной) общественности достаточно давно. Вы умели находить форму выражения своих взглядов в годы цензурных запретов. Я помню, с каким интересом читались в семидесятых годах такие ваши книги, как «От Чернышевского к Плеханову», «Диалектика и революция». Но вы не вошли в число новых лидеров перестройки, многие из которых стали народными депутатами СССР и РСФСР. Широкая общественность увидела вас лишь весной 1991 года, когда вы стали одним из членов организационного комитета группы «Коммунисты за демократию», ставшей затем Народной партией Свободная Россия. Почему именно так сложились обстоятельства?

Г. В. Если вы начали издавать, то так же начну и я. Действительно, и в советской общественной науке, и в КПСС всегда было несколько идейных течений, по крайней мере два основных. Прежде всего это течение казарменного социализма, тоталитаризма, сталинизма, выражавшее интересы и ценности как победившей партийно-государственной номенклатуры, так и неразвитой части угнетенного сословия прежней России, сословия, которое лишь выходило из подвалов, из незнания и которому трудно было воспринять ценности человеческой личности, свободы, индивиду-

альности. Другое направление я бы определил как демократическо-социалистическое. Его развитие — это целая эпоха и у нас, и за рубежом. Вспомним, например, А. Грамши, Д. Лукача, А. Дубчека, идеи «пражской весны». В СССР также своя история этого направления: вспоминаются М. Рютин с его манифестом, отчасти Н. Бухарин и его линия, философская линия, связанная с именами Н. Карева, М. Лившица в 30-е годы, позднее это «Новый мир» А. Твардовского, течение в философии и истории, связанное с именами Э. Ильенкова, М. Гефтера и др.

Я всегда примыкал к этому направлению и рассматривал сталинизм и его носителей как силы, наиболее враждебные социалистической идее. Я состоял в КПСС и не жалею об этом, потому что в условиях нашей страны только находясь внутри этой организации можно было по-настоящему вести борьбу. Более того, я по-прежнему считаю, что кое-какие идеи КПСС, уходящие корнями в идеи марксизма, просветительства, утопического социализма, были связаны с ценностями демократического социализма и несли благо обществу. Такие ценности и в тех условиях можно было отстаивать, находить формы и способы их пропаганды и

---

* Интервью записано 10 июня 1993 года.

защиты. Конечно, книги и мои, и моих единомышленников писались эзоповым языком, но язык этот очень легко понимался читателем. Поэтому я не только воспринял идеи перестройки, но и считаю, что многие из нас в предшествующий период работали на нее.

«ОНС» Но почему вас не видели, например, среди лидеров Демократической платформы КПСС, часть которой вышла из КПСС после XXVIII съезда и образовала Республиканскую партию России?

Г. В. Просто мое участие в этих процессах было не очень заметно со стороны. Еще до XXVIII съезда КПСС я опубликовал в «Октябре» большую программную статью «Формула консолидации», где разбирал предложенные к съезду платформы. Официальную платформу я называл реакционной и аргументированно защищал демократическую платформу. Но активно участвовать в событиях мне тогда было трудно. Дело в том, что к тому времени я оказался в Праге, в редакции журнала «Проблемы мира и социализма». Произошло это тоже из-за моих теоретических выступлений.

Уже в 1986 году я обратил внимание на то, что руководить перестройкой у нас начинают те же люди, которые ранее строили общественную науку совсем в другие ряды. Такие, например, как член ЦК КПСС, вице-президент АН СССР П. Федосеев. Он выступил с докладом, в котором учил обществоведов, как надо перестраиваться. Тогда я решил написать развернутую статью о самом Федосееве, о его взглядах. Эту статью под названием «Кто виноват, что делать и какой счет?» очень хотели напечатать и «Новый мир», и «Знамя», и «Октябрь», но не смогли этого сделать. Она появилась в 1988 году в сборнике «Иного не дано». Весь этот сборник состоял из достаточно острых по тем временам статей, но руководство особенно не хотело выпускать мою. Здесь особую настойчивость проявили и А. Сахаров, и Ю. Афанасьев, и Л. Карпинский. Но я вынужден был оставить работу в Академии общественных наук при ЦК КПСС и уехал в Прагу. Там я довольно быстро стал ответственным секретарем журнала «Проблемы мира и социализма», и вплоть до прекращения своего существования журнал этот проповедовал теоретические идеи демплатформовской направленности.

В Москву я вернулся уже после выхода части Демплатформы из КПСС. Если бы я был здесь, то убеждал бы коллег не делать этого, так как считал, что нужно было расколоть эту партию на более крупные блоки. Поэтому, когда весной 1991 года А. Руцкой выступил на III съезде народных депутатов России с предложением о создании парламентской фракции «Коммунисты за демократию», я совместно с О. Лацисом, Б. Капустиным, И. Пантиным, В. Липицким и др. через «Известия» обратился к членам КПСС с призывом поддержать эту инициативу и создать движение с аналогичным названием. В итоге в рамках КПСС была образована Демократическая партия коммунистов России, противостоящая полозковской РКП. Группу по подготовке документов этой партии возглавил я и делал на учредительном съезде доклад после Руцкого о программных документах. Мы хотели идти на XXIX съезд КПСС для того, чтобы там цивилизованно разделить на 3—4 партии, но нас просто стали исключать.

«ОНС» А тут «грянул» путч.

Г. В. Путч, по-моему, нанес непоправимый вред всему нашему обществу. Он все исказил, извратил, усложнил эволюцию, перед которой стояла Россия. Конечно, мы были в Белом доме и 19 августа обратились

к руководству КПСС с призывом осудить путч и начать активную борьбу с путчистами. Нам уклончиво отвечали, что не могут найти М. Горбачева, что нужно присмотреться, что в идеях путчистов есть много ценного и т. п. Тогда утром 20 августа мы собрали правление и приняли решение о разрыве с КПСС, руководство которой фактически встало на путь соучастия в перевороте, мы призывали нашу партию возглавить народное сопротивление путчистам.

«ОНС» А почему у партии такое название?

Г. В. Народная партия — как партия, выражающая интересы широких народных масс в борьбе с партгосноменклатурой, а Свободная Россия по названию места, где она родилась — площадь Свободной России перед Белым домом. Я был избран в руководство НПСР, и мне было поручено вести идеологическую работу, возглавить теоретическую комиссию.

«ОНС» Ваша партия в 1992 году вошла в блок Гражданский союз. Этот блок заявил себя как блок центристской ориентации. Однако в период кризиса зимы — весны 1993 года, кульминацией которого стала попытка импичмента Б. Ельцина на IX внеочередном съезде народных депутатов России, Гражданский союз (во всяком случае многие члены его парламентских фракций) фактически сомкнулись с консерваторами. Невольно задумываешься над вопросом: что же такое центризм в России, возможен ли он? Может быть, в нашем расколоте обществе просто нет места центризму, а есть консервативное и либеральное течения. В каждом из них имеются люди более радикально или менее радикально настроенные. Что вы думаете по поводу судьбы центризма в России?

Г. В. Вопрос очень важный. Но сначала я хочу напомнить знаменитый афоризм, что политикам язык дается для того, чтобы скрывать свои мысли. К сожалению, в современной политике во многом это так. Поэтому те этикетки, которые наклеивают на себя различные течения,— это их самоназвания, а не объективная характеристика позиций. У нас, например, много партий и группировок, называющих себя коммунистическими. Но если бы их программы почитали Маркс, Энгельс или Грамши, то они с удивлением (я не говорю о презрении — это эмоциональная оценка) узнали бы, что эти люди, зовущие к тоталитаризму, называют себя коммунистами. То же можно сказать и о некоторых наших демократах, напоминающих мне каких-то демомаккартистов.

Гражданский союз назвал себя «центристским блоком». Так ли это? Прежде всего давайте отдадим себе отчет в том, что сегодня его просто нет. Идея объединения была в сочетании социал-демократизма НПСР и либерального демократизма Демократической партии России Н. Травкина. После выхода последней из Гражданского союза исчез сам смысл объединения. И А. Вольский в последнее время постоянно дистанцируется от Гражданского союза. Что же касается входящей в него парламентской группы «Смена — новая политика», то по методологии мышления она от Фронта национального спасения не отличается. Кроме того, Гражданский союз всегда был верхушечным образованием, не уходящим в глубину. Так же, как, например, созданное в свое время Движение демократических реформ. Такие организации создаются в кабинетах, а затем лидеры начинают ее идею «спускать вниз» в стоящие за ними группы людей, называемые партиями, союзами и т. п. Сейчас многие партии представляют собой маленькие сколки с КПСС. Там есть бюрократическое руководство и партийные «низы», настроения которых в реальной политике практически не учитываются. Да и сами эти низы

становятся сегодня всё малочисленнее. Но партийные бюрократические группы не очень заботятся о массовости: для них главное — пьедестал для торговли министерскими портфелями, борьба за распределение власти, собственности.

«ОНС» Вы оцениваете Гражданский союз как бюрократическую номенклатурную организацию?

Г. В. Да. Там собрались люди, знающие, чего они хотят, сильные в каких-то партийно-политических кругах, в каких-то группах, где они имели влияние. И пошла борьба за передел власти и собственности. В глубинке, на местах Гражданский союз практически не существует. Он — в центре, за различными «круглыми столами» и т. п., а печать его «раздувала».

Сегодняшняя ситуация с Гражданским союзом, с одной стороны, как я уже сказал, обусловлена выходом из него ДПР, а с другой — позицией, которую заняли лидер Гражданского союза А. Руцкой и его сторонники. Вы правы в том, что их позиции мало чем отличаются от позиций Фронта национального спасения. Сложился целый блок от ФНС, Русского национального собора А. Стерлигова, РКРП до А. Руцкого и Р. Хасбулатова. Подчеркну, что, на мой взгляд, в рамках этого направления есть люди, с которыми можно вести диалог, участвовать в нормальном политическом процессе, например коммунисты И. Рыбкин, Б. Славин или С. Бабурин. Но основная масса тут конфронтационна. И как раз Хасбулатов и Руцкой представляются мне ярчайшими представителями конфронтационного мышления. По позициям они, конечно, сторонники административно-командной системы и отнюдь не демократы. Это выразители номенклатурных притязаний, стремящиеся опереться на неразвитую часть общества, которой удобно командовать.

«ОНС» А что бы вы сказали о противостоящей им политической силе?

Г. В. Это также очень сложное образование. Я бы отнес сюда и организации Демократической России, и социал-демократов, и республиканцев, и часть нашей партии, и часть Социалистической партии труда, и Ельцина с его командой. Я не принадлежу к команде Ельцина и довольно критически отношусь к тому, что она делает. Но когда я выбираю основное направление развития России, я выбираю это направление, потому что именно оно дает шансы на развитие в стране демократии, цивилизованной рыночной экономики и т. д. Поэтому я и мои сторонники, поддерживая Ельцина в период весеннего кризиса, исходили из того, что широкий блок демократических сил, одержав победу, может затем вести внутри себя дискуссию. Дискуссию цивилизованную, демократическую, может быть, резкую, но это будет полемика иного качества, чем с силами ФНС. Это уже противоречия внутри одного общего направления движения.

«ОНС» Наша беседа подводит к мысли, что на деле у нас центризма нет, хотя многие говорят о его необходимости.

Г. В. Потребность в центризме явно ощущается обществом. Причем стремление к центризму было всегда, но в прошлом из таких устремлений ничего не получалось. Вспомним Великую французскую революцию или развитие событий в России в 1917 году. Думаю, это было закономерно,

и столь же закономерны шансы на утверждение центристской позиции сегодня.

«ОНС» На чем основывается такое утверждение?

Г. В. Думаю, причины кроются в тех изменениях, которые произошли в общественном развитии в XX веке. Прежний тип развития был классово-антагонистический. Это отнюдь не выдумка Маркса: не Маркс распинал восставших соратников Спартака или расстреливал лионских ткачей. Таким был мир, в котором один класс существовал за счет другого. Феодалы эксплуатировали крепостных, капиталисты — рабочих, одна страна жила за счет другой, умственный труд развивался за счет физического и т. д. Соответствующими были и политическая борьба, и тип мышления ведущих ее людей: победа одного означала крушение другого. Вся история человечества — это история насилия одних над другими.

Но к середине XX века (где-то раньше — уже в конце XIX века, где-то позже) складывается новый тип общественного развития — переход от классово-антагонистического к классово-неантагонистическому обществу. Историческая ограниченность марксизма состоит, по-моему, в том, что этот процесс не был зафиксирован. Марксисты, классики утопического социализма, другие социалисты прошлого продвинули общественную мысль вперед по сравнению с Просвещением, выдвинув идею социально-экономического равенства наряду с равенством политическим. Но социально-экономическое неравенство они связали с существованием частной собственности и, соответственно, достижение равенства с ее уничтожением. Жизнь, однако, показала, что может отсутствовать эксплуатация, т. е. присвоение труда одних другими, и, следовательно, возможно социально-экономическое равенство в условиях существования частной собственности. Современное производство рождает трех основных субъектов экономики, достигающих асимметричного паритета, асимметричного равенства. Это — частный собственник средств производства, классический предприниматель. Это — менеджер, управляющий, т. е. собственник специфических знаний, информации, необходимой для управления. Здесь мы имеем дело с собственностью на одну из самых важных современных производительных сил, что очень хорошо было показано в теории «революции управляющих». Наконец, третий субъект современной экономики — это современный квалифицированный работник, обладающий собственностью на рабочую силу высокого качества. Кроме того, современные работники объединены в сильные профсоюзные и т. п. объединения, а потому могут на равных вести переговоры с предпринимателями об условиях своего труда. Борьба между этими группами остается, классовость остается, но пропадает антагонизм, не ведется борьба на уничтожение, а возникает динамичная система различий интересов, борьбы, взаимодействий.

«ОНС» Возникает понятие «социального партнерства».

Г. В. Это — новая парадигма общественного развития. И в современных условиях центризм из мечты, из утопии все больше становится реальной возможностью. Суть центризма, по-моему, состоит как раз в понимании этой новой парадигмы, когда идет смена конфронтационного стиля мышления и действия на стиль партнерства, взаимодополняемости, консенсуса, компромисса и т. д.

«ОНС» Это, наверное, можно было бы определить как новую философию центризма?

Г. В. Да. Философия центризма как раз и состоит в осознании этой новой парадигмы, новой социальной реальности. Центрист держит курс на то, чтобы крайности, полюса в нашей жизни стали примиряемы, он ищет механизм такого примирения, взаимодополнения сторон. Если классово-антагонистическое мышление ставит классовый интерес перед общественным, а общественный — перед общечеловеческим, то центрист переворачивает эту последовательность. Иначе говоря, социальные, групповые интересы не исчезают, но центрист будет формулировать интересы одних социальных групп, учитывая интересы других и учитывая включенность «своего» интереса в систему общественных интересов. Он изначально мыслит интересами всего общества. Например, я социал-демократ и хочу защищать интересы трудящихся, прежде всего интеллигенции, людей интеллектуального труда, бюджетных работников, которые больше многих страдают в период перехода к рынку. Но защищая их интересы как центрист, я буду предлагать такие варианты решения проблем, которые учитывали бы озабоченность и других общественных групп, выслушивать их аргументы, вместе с ними искать разумный баланс интересов.

То есть центризм, по-моему, не может быть неким самостоятельным течением вне различных социальных группировок, полюсов и т. п. Центризм — не столько выражение интересов средних слоев (как его часто определяют), сколько *способ реализации интересов любых социальных слоев*. Вновь повторю, центризм — некая новая социальная парадигма, как бы новая социальная метадоктрина.

«ОНС» То есть это, по вашему мнению, определенный тип мышления?

Г. В. Иногда наших обществоведов смущает то, что сейчас образовался некий идейный вакуум, что нет идей, объединяющих общество. Идут поиски: не годится ли для этого патриотическая идея, либеральная, постмарксистская и т. п. Мне кажется, что какой-то единой доктрины (какой был для нас недавно марксизм) сейчас быть не может. И к этому не надо стремиться. Но метадоктрина, некая общая парадигма необходима, и ее надо открыть. Потому что метадоктрина в истории человечества была всегда. Например, в эпоху Просвещения были и консерваторы, и радикалы, но был и определенный тип мышления, отличавший именно эту эпоху. В рамках этой парадигмы, в рамках этого «ветра эпохи» люди мыслили.

Я думаю, что для нашего времени таким типом мышления становится именно центристское мышление, связанное с переходом к классово-неантагонистическому обществу, к плюрализму, к взаимопониманию и т. п. А внутри центристского типа мышления могут сосуществовать и неомарксисты, и либералы. И, например, марксист, входя в атмосферу этой парадигмы, перестает быть тем марксистом, каким он был раньше. Сохраняя истоки, зерна своей доктрины, борясь с эксплуатацией, он делает это в таких формах, которые уже нельзя назвать марксизмом в традиционном понимании. Так же изменяются сегодня и традиционный либерализм, и консерватизм, и другие течения. Именно поэтому в рамках центризма возможно объединение многих направлений: у них появляется нечто общее, нечто высшее, чем их спецификация.

«ОНС» Какова же задача центристов?

Г. В. Многие видят ее в том, чтобы вывести некую «формулу» центристского развития и предложить ее людям. Чтобы развитие шло не слишком быстро и не слишком медленно, чтобы был рынок, но и государственное регулирование, чтобы это регулирование существовало, но не такое, как прежде, и т. д. То есть ставится задача разработки некой центристской программы, отличающейся взвешенностью, умеренностью, поисками середины, отсекающей полярные формулировки. Думаю, это ложный ход размышлений. Хотя так думали инициаторы перестройки, так отчасти пытается действовать и Ельцин.

Мне представляется методологически ошибочным такой подход, ибо немыслимо априорно вывести такую центристскую «формулу», способную учесть все многообразие факторов, ежеминутно влияющих на нашу жизнь. Задача центризма мне видится в другом — в создании *механизма формирования этой формулы*. Он должен быть таким же естественным и органичным, как механизм формирования цены на рынке, где соревнуются, конкурируют и производители между собой, и производители с потребителями, и государство воздействует на все процессы. Не изначально «сверху» провозглашать некую «центристскую» линию, а создать демократический механизм, где были бы представлены социальные группы, слои, направления, где были бы политически артикулированы их требования и они могли бы вести между собой цивилизованную дискуссию, отстаивать свои требования. Такой механизм мог бы постоянно вносить коррективы в избранные темпы движения, подправлять его детали в зависимости от возникающих обстоятельств. Поэтому задача современных центристов состоит в том, чтобы помимо разработки *философии центризма* как философии взаимодополнительности, *социологии центризма* как новой неантагонистической социальной, классовой парадигмы выработать и *политическую программу центризма*, которая по сути, является программой борьбы за цивилизованное демократическое устройство общества.

«ОНС» Не могли бы вы в чем-то конкретизировать это положение в связи с тем, что осенью-зимой этого года нас ждут новые выборы?

Г. В. Сегодня наша законодательная власть недемократична, раз там могут царствовать такие люди, как Хасбулатов. Недемократична у исполнительная власть. Надвигающиеся выборы ставят перед нами массу проблем. Независимый депутат сейчас бессилён (нет ни финансов, ни организации, ни возможностей). Решить проблему предлагается введением пропорциональной выборной системы, предполагающей избрание депутатов по партийным спискам. Но у меня такое предложение вызывает сильную озабоченность, связанную с сегодняшним состоянием российских политических партий.

Ведь, по сути, наши многочисленные партии — это узкие группы людей, которые смогли организовать и откуда-то получить финансирование. И эти группы пытаются «приватизировать» публичную политическую власть. Поэтому сегодня достаточно типичным является нежелание людей идти на выборы: не потому, что они не желают участвовать в политической жизни страны, а потому, что они или не хотят отдавать свой голос сложившимся верхушечным группам, или просто не знают действительно ли данные партии способны отстаивать их интересы. Кстати, эти люди — еще не востребованная огромная социальная база центризма. В этих условиях надо успеть придумать и предложить такой способ корректировки избирательной системы, который не отдал бы политическую

жизнь страны на откуп существующим партиям. Здесь центристская позиция также имеет свой любопытный поворот.

«ОНС» В чем он состоит?

Г. В. Нынешние партии — новая номенклатура, от которой избиратель отчужден. Значит, для того чтобы развивать столь необходимую нам систему представительной демократии, нужно ввести в круг политических субъектов не только существующие политические партии, но и иные формы объединений. Это могут быть корпоративные организации, объединения по интересам (например союзы врачей, учителей, клубы ученых, работников культуры и т. п.). Все это объединения, выражающие интересы определенных социальных слоев (допустим, союз фермеров), там действительно знают людей. И такие образования должны получить право выдвижения своих кандидатов в депутаты. То есть важно создать способы взаимодействия между складывающимся гражданским обществом и политическим обществом, которое пока у нас представлено узкими группами. *Надо дать людям возможность прорваться к демократии.*

«ОНС» Здесь вспоминаются выборы народных депутатов СССР, одна треть которых избиралась по спискам общественных организаций.

Г. В. Думаю, что для нашей страны в основе своей это была здравая идея. Конечно, она была искажена политической заданностью, ведь то общество было, по сути, тоталитарным. Прошли не только «красная сотня», «профсоюзная сотня», но и многие депутаты от самых разных союзов избирались, точнее, назначались по прямым указаниям партийных структур. Но в то же время сколько достойнейших депутатов — начиная от Андрея Сахарова — было избрано от АН СССР, от Союза кинематографистов, Союза театральных деятелей, многих других. Можно также вспомнить, что Даниил Гранин и Тенгиз Абуладзе были избраны от КПСС, а Элла Памфилова — от профсоюзов.

«ОНС» То есть опыт перестроечных лет нам не стоит забывать?

Г. В. Перечеркивать все, что сделано, — нецентристский тип мышления. У нас преобладает полюсный подход: если не за, то против. Нужно же, по-моему, всюду выделять рациональное зерно, отделять его от внешних обстоятельств. Ведь формула выборов депутатов от общественных организаций, как мы только что видели, была способна не только камуфлировать старое содержание, но и потихонечку взрывать его. Нам пока не стоит обманываться: у нас много партий, но нет подлинной многопартийности, характерной для демократического общества. А центристы должны бороться именно за демократизацию политической системы, за то, чтобы российский политический капитал на самом деле принадлежал народу, а не узким группам, именующим себя партиями.